

ВОСПОМИНАНИЯ

М. ДРОЗДОВА

О ЧЕХОВЕ

ВСКОРЕ пришлось продать Мелихово, в котором Антон Павлович провел лучшие годы своей жизни, где он много, с большим подъемом работал. Чувствовал он себя плохо, кашель усиливался, особенно в сырую погоду. Появилось кровохарканье. Доктора торопили Антона Павловича с отъездом на юг. И не дожидаясь осени, он по совету врачей переехал в Ялту, навсегда покинув Мелихово.

В Ялте Антон Павлович жил в гостинице, без семьи и привычного уюта. Ему было трудно работать в подобных условиях, а это так угнетало его. Павел Егорович и Евгения Яковлевна оставались временно в Мелихове. Мария Павловна, продолжая давать уроки в одной из московских гимназий, как и раньше, все свободное время проводила в Мелихове. После отъезда Антона Павловича в Ялту неожиданно умер его отец. Марии Павловне с матерью тяжело было оставаться в опустевшем мелиховском доме, и они переехали в Москву.

Дом, который Антон Павлович начал строить в Ялте, еще не был готов, а участок представлял собой голый пустырь, покрытый щепнем, без единого кустика. Пока строился дом на этом пустыре, Антон Павлович в зависимости от самочувствия с разрешения врачей приезжал в Москву, где его так ждали мать и сестра.

Мария Павловна жила на Спиридоновке, в маленьком незвучном домике, в глубине двора, в дешевой квартирке на первом этаже. Но когда, бывало, войдешь в эту маленькую квартирку, состоящую из двух комнат с крошечной прихожей, поражаешься неожиданной прелести этого уголка. На столе — новые журналы, книги, газеты. На стенах — этюды Левитана — большого друга семьи Чеховых, пейзажи Марии Павловны, хорошие гравюры. В этой небольшой, со вкусом убранной квартирке все было тщательно и заботливо предусмотрено и приготовлено Марией Павловной для любимого брата, чтобы дать ему возможность спокойно работать. Когда приезжал Антон Павлович, настроение в доме резко менялось: после нетерпеливого ожидания любимого сына и брата наступали тихие, светлые дни.

В это время я часто встречала у Чеховых брата Антона Павловича — Ивана Павловича — учителя городских школ, честного труженика, отдававшего много времени и сил своим ученикам. Приходил он прямо после занятий, усталый, измученный. Антон Павлович очень любил и жалел его, видя неприглядную жизнь учителя того времени. Иредка приезжал самый младший брат — Михаил Павлович, живший в Петербурге. Приедет он, бывало, в Москву по делам службы и совершенно неожиданно появится в доме Чеховых. Неизменно веселый, оживленный, всех расмешит своими шутками, бравадой сыграет на пианино что-нибудь из новой оперетки по слуху и исчезнет так же неожиданно, как появился.

В Москве посетителей у Чехова было еще больше, чем в Мелихове. В связи с постановкой в Художественном театре пьес Антона Павловича его частыми гостями были Станиславский, Немирович-Данченко, Книппер, Качалов, Савицкая, Москвин, Вишневский, Суллержидский и другие.

Как-то я была у Марии Павловны и собиралась уже уходить, но она остановила меня: «Не уходите, я хочу, чтобы вы увидели артистку Художественного театра Книппер, она сейчас придет. Подождите». Я тогда еще не была знакома с Ольгой Леонардовной, но, наслушавшись самых восторженных отзывов Марии Павловны о ней, о ее необычайном обаянии, очень хотела ее увидеть. В это время в передней послышался звонок и вошла О. Л. Книппер. Какая-то бодрящая свежесть веяла от ее облика. В ней поражала красота большой внутренней силы. Трудно было удержаться, чтобы не смотреть на нее, действительно обаятельную, на редкость гармоничную во всем.

ДАЧУ в Ялте отстроили. Из Мелихова все перевезли туда, и мать Антона Павловича переехала в уже благоустроенный дом.

Гости и здесь менялись, как в калейдоскопе. Частыми посетителями были Максим Горький, Куприн, Мамин-Сибиряк, Чириков, доктор Елпатьевский. Бывали также архитектор Шехтель — приятель Антона Павловича с молодых лет, Иван Бунин — друг семьи Чеховых. Антон Павлович любил Бунина за тонкий юмор и ценил его стихи. Мария Павловна в шутку называла его «букишон».

В эту чудесную весну гости побродились особенно близкие душе

Антон Павловича. И самочувствие его было как будто совсем хорошее. Он расцвел и посвежел в кругу своих друзей. Обычно жаль было покидать Ялту. Всех трогала бесконечная душевная чуткость Чехова, умевшего с такой нежностью и вниманием прислушиваться к человеческому сердцу, откликаться на переживания даже, казалось бы, самые незначительные.

ЛЕТОМ из Ялты я уезжала в Кисловодск. На прощание Антон Павлович взял с меня слово, что я обязательно поднимусь на вершину горы Бермамыт, чтобы полюбоваться оттуда величественной картиной восхода солнца. Он считал это путешествие по новым местам для меня, художницы, очень полезным и сказал: «Если у вас не хватит денег, то напишите — я пришлю».

После моей поездки Антон Павлович глубоко интересовался настроением молодежи, с которой я встречалась в Кисловодске. С особым интересом он слушал рассказ об одном собрании. Как-то в парке я писала этюд. Ко мне подошли два студента с просьбой сделать афиши о концерте, устраиваемом с благотворительной целью. Я исполнила их просьбу и познакомилась с ними поближе. Когда мы хорошо узнали друг друга, они предложили мне пойти на одно, по их словам, очень интересное собрание. С их согласия я пригласила с собой мою хорошую знакомую. Было уже темно, когда мы вышли из дома и в назначенном месте присоединились к студентам.

Шли долго по степи, наконец, добрались до какого-то жилья с плотно закрытыми ставнями. Мы постучали, нам открыли, и вот мы очутились в большой освещенной комнате. Народу было много. Собрание уже началось. Тут были люди всех национальностей: черкесы, грузины, армяне, русские. Оратор произносил зажигательные речи с призывом к борьбе за свободу и объединение народов России. Все были в приподнятом настроении, глаза горели. Я пожалела, что не жанристка и не могу написать эту поразившую меня картину, — до того она была ярка, красочна и волнующа. До этого я никогда не была на таких собраниях, для меня все это было ново.

Рассказывая об этом собрании, я видела, как лицо Антона Павловича просветлело, загорелось радостью. В дни революции 1905 г. Мария Павловна часто восклицала: «Как жаль, что Антоша не дожил до этих дней».

ЖИЗНЬ шла как будто хорошо: яркая, полная живых интересов, но мучила всех нас мысль о болезни Антона Павловича. Она заставляла его осенью и весной, в самую дурную пору, уезжать в Ялту. Ольга Леонардовна не могла ехать с ним, так как была занята почти во всех постановках Художественного театра.

Как-то у Чеховых был устроен вечер. Кажется, это был первый званный вечер в новой квартире и, как мне помнится, последний с таким большим собранием гостей. Были артисты Художественного театра Станиславский, Немирович-Данченко, Москвин, Качалов, Лилина, Савицкая, Муратова, Бутова, Суллержидский и другие. Несколько литераторов — среди них Леонид Андреев, Иван Бунин, Бальмонт, Гилярковский, Балтрушайтис, врачи, люди науки. Сидели в столовой за чайным столом, было очень весело и оживленно. Вдруг раздались телефонный звонок. Антон Павлович прошел в кабинет к телефону и, быстро вернувшись, радостно сообщил, что сейчас придет Горький...

Горький вошел в своей черной косоворотке, перехваченной пояском, в высоких сапогах. Антон Павлович с радостным приветствием поднялся к нему навстречу. Вскоре он подвел ко мне Алексея Максимовича и, представляя его, сказал: «Это Горький, а это писательница Микулич». Алексей Максимович раскланялся со всем обществом, Антон Павлович посадил его рядом со мной, а сам с улыбкой встал за моим стулом.

Горький начал со мной разговор, принимая меня за Микулич, произведения которой мне даже не были известны. Он стал любезно говорить, что ему очень нравится рассказ «Мимочка». Публика, зная, что я не Микулич, насторожилась, предвкусывая какую-то выдумку Чехова. Я, со своей стороны, старалась поддержать с Горьким разговор о Мимочке, не выдавая шутки Чехова, но, верно, не очень удачно, и Антон Павлович поспешил сказать: «Да это не Горький, а это не Микулич». Я, горячася, начала убеждать Чехова, что отлично знаю Горького

по его портретам, а Горький в свою очередь говорил, что узнает во мне по портретам Микулич и читал ее произведения. В конце наших взаимных уверений я наконец заявила, что я так же твердо знаю, что он Горький, как и то, что только в шутку Антон Павлович назвал меня Микулич. Гости весело смеялись над этими недоразумениями, вызванными шуткой хозяина дома.

После чая все перешли в гостиную. Антон Павлович уселся в свой любимый уголок на турецком диване. Ольга Леонардовна пела, и в ее пении звучали нотки грусти.

Антон Павлович в этот вечер, как обычно, когда появлялся Горький, надолго уединился с ним в кабинете для серьезных разговоров. Из кабинета доносился голос Антона Павловича: «Хорошую, передовую интеллигенцию надо беречь, она очень нужна сейчас». Вообще он часто повторял это. Окончив разговор с Горьким, он вышел к гостям.

Больше не пришлось в доме Чеховых повториться такому вечеру. Здоровье Антона Павловича стало заметно ухудшаться, и он быстро утомлялся. Когда приходили близкие друзья, он оживлялся, но ненадолго — больше сидел молча в своем любимом уголке дивана и уже не шутил, как прежде, но оставался все таким же чутким, человечным, душевным.

Антон Павлович умел доставлять людям радость и именно тогда, когда они этого не ждали, всякий раз находя подходящий случай. Однажды я пришла к Чеховым раньше обеда, так как в час их обеда должна была идти к врачу. Когда я собралась уходить, Антон Павлович настойчиво стал упрашивать меня остаться, испуская чудесной кулебякой с капустой, мастерски приготовленной кухаркой Машей. Он сказал, что я очень пожалела и не прощу себе никогда в жизни, если не останусь на этот раз пообедать. Но, бывало, так настойчиво он приглашал меня и раньше. И я не придавала этому особого значения. В передней, подавая мне пальто, Антон Павлович шутя задержал его в своих руках, все время поглядывая на карманные часы. Он явно отодвигал минуту моего ухода, соблазняя тем, что пирог уже подан на стол. Вдруг раздались звонок — и в отворенной двери показался Лев Николаевич Толстой.

Я была потрясена такой необычайной встречей и забыла все на свете. Пока Лев Николаевич снимал свое пальто, я стояла в страшном смущении, не зная, как поступить. Уйти не было мужества. Если бы я ушла теперь, я бы действительно себе этого никогда не простила. Антон Павлович со смехом подает мне шляпу. Пальто уже на мне, но я в нерешительности, я не беру шляпу. Антон Павлович, очень довольный моей растерянностью, смеясь, говорит: «Для вас писатель Лев Николаевич Толстой дороже, чем писатель Чехов, так уходите или уплатите десять рублей, тогда можете оставаться».

Через секунду я очутилась за столом в кругу гостей и всецело была поглощена тем, что вижу настоящего, живого Толстого. В продолжение всего обеда я не сводила глаз с его художавой фигуры, с его старческого лица. Его как будто безучастные, глубоко сидящие серые глаза из-под седых, непокорно торчащих бровей смотрели спокойно на Антона Павловича. Говорили о литературных делах. Я почти ничего не слышала: передо мной был Толстой. Во время беседы Антон Павлович очень внимательно прислушивался к словам Льва Николаевича, которого он очень ценил и любил, но часто говорил, что в некоторых вещах он не совсем с ним согласен.

Светлый образ Антона Павловича Чехова волнует и будет волновать многие, многие поколения. Своими скромными заметками мне хотелось дополнить этот обаятельный образ хотя бы несколькими чертами, которые навсегда сохранились в моей памяти.